

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**КАЗУС КАРЛЕЙЛЯ, ИЛИ КТО РАССОРИЛ
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ
С ДРУГИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ
И ГУМАНИТАРНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ**

Препринт WP3/2017/05

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2017

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.

Казус Карлейля, или Кто рассорил экономическую науку с другими социальными и гуманитарными дисциплинами : препринт WP3/2017/05 [Электронный ресурс] / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (400 Кб). — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 34 с.

В работе обсуждается происхождение выражения «мрачная наука», которое в середине XIX в. использовал Т. Карлейль в качестве презрительной клички по отношению к современной ему политической экономии. Автор показывает, что именно Карлейль стоял у истоков устойчивого антагонизма между экономической наукой и другими социальными и гуманитарными дисциплинами. В исторической ретроспективе представляется очевидным, что прогрессу научного знания об обществе этот междисциплинарный раскол не пошел на пользу.

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Капелюшников Р. И., 2017
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2017

В этих заметках я намерен коснуться трех тем, так или иначе связанных с крылатым выражением «мрачная наука», свободно переходя от одной к другой: 1) место этого концепта в истории идей; 2) его место в дискуссиях по социальным проблемам в Великобритании XIX в.; 3) его место в системе представлений Т. Карлейля — мыслителя, которому он обязан своим рождением. При этом я исхожу из того, что читателю известно, кто такой Карлейль и при чем тут классическая политическая экономия.

Две версии

«Мрачная» — таков ярлык, намертво приставший к экономической науке, от которого она не может избавиться вот уже более полутора столетий. Одни теоретические школы умирали, другие рождались, новые концепции вытесняли старые, на смену одним авторитетам приходили другие, совершенствовались методы и техника анализа, иной становилась сама рыночная система — но что бы ни происходило с экономической наукой, а также с экономической реальностью, которую она изучала, презрительная кличка, пущенная в оборот в середине XIX в. британским историком, философом, писателем и публицистом Томасом Карлейлем (1795–1881), неизменно оставалась в ходу и ею неизменно охотно (скажем даже — не без некоторого садистического удовольствия) продолжали пользоваться представители других социальных и гуманитарных дисциплин. И более того: подобная дискурсивная практика благополучно дожила до наших дней и на нее по-прежнему имеется устойчивый спрос.

Похоже, сам Карлейль чрезвычайно гордился изобретенным им оборотом и часто использовал его в своих текстах, причем не только в сочинениях, рассчитанных на широкую публику, но даже в частной переписке [Coleman, 2002]. Однако «мрачная» — лишь один из множества бранных эпитетов, на которые он не скупился по отношению к современной ему экономической науке — классической политической экономии. В своей знаменитой «Речи по поводу негритянского вопроса» (1849) Карлейль описывает политическую экономию в таких терминах: «безотрадная, унылая... довольно жалкая и удручающая; такая, что вполне заслуживает названия *мрачной науки*» [Carlyle, 1849, p. 530–531]. Возникает вопрос: за что же такая немилость?

Чтобы ответить на него, обратим прежде всего внимание на контекст, в котором впервые появляется это выражение. «Мрачной науке» противопоставляется «веселая наука». По словам Карлейля, «социальная наука» (иначе говоря — политическая экономия) — это «печальная», а вовсе не «веселая наука», за которую она пытается себя выдать [Ibid., p. 530]. Но что тогда представляет собой настоящая, а не притворная «веселая наука», которую он имеет в виду? Особой загадки тут нет: в истории литературы словосочетание «веселая наука» издавна обозначало поэзию провансальских трубадуров [Persky, 1990]. (Позднее «Веселой наукой» назвал одну из своих книг Ф. Ницше — возможно, не без влияния Карлейля.) Тем самым Карлейль дает понять, что свою атаку на «мрачную науку» политической экономии он ведет от лица «веселой науки»: в буквальном смысле — от лица поэзии, в более общем — от лица культуры и искусства своего времени. И действительно: единомышленниками и союзниками Карлейля в его крестовом походе против «проповедников спроса и предложения» выступали лучшие перья тогдашней Англии — Ч. Диккенс, Ч. Кингсли, Дж. Рёскин, А. Теннисон, Э. Троллоп, Р. Саути и др. (Диккенсовский роман «Тяжелые времена» вышел с посвящением Карлейлю.) Позднее — несомненно, с его подачи — жестко критическая, «антиэкономистская» установка проникла и прочно укоренилась в самых различных социальных и гуманитарных дисциплинах — от социологии и антропологии до истории и литературоведения.

Но все же за что конкретно экономическая наука была награждена прозвищем «мрачная»? Расхожее объяснение, которое вошло в учебники и на котором среди прочих настаивали и такие авторитетные экономисты как Дж.К. Гэлбрейт [Galbraith, 1987] или Р. Хейлброннер [Heilbroner, 1986], гласит, что все дело в теории народонаселения Р. Мальтуса. Согласно Мальтусу, численность населения всегда будет расти быстрее, чем количество доступного людям продовольствия, так что основная часть человечества обречена на то, чтобы влачить жалкую жизнь на уровне минимума средств существования, обеспечивающем в лучшем случае простое выживание. Любые попытки улучшить судьбу этих несчастных обречены на провал, поскольку будут сводиться на нет действием объективных экономических законов: становясь хоть немного состоятельнее, люди сразу же примутся быстрее размножаться, так что все неизбежно вернется на круги своя. Получается, что Карлейль окрестил политическую

экономии «мрачной наукой» за присущие ей фатализм, пессимизм и неверие в возможность изменения общества к лучшему.

В таком случае распределение ролей представляется очевидным: по одну сторону «мрачная наука» экономистов — бездушная, сухо рационалистическая, восхваляющая безудержный эгоизм и погоню за прибылью, сводящая все многообразие человеческих отношений к денежным связям, грубо материалистическая и не признающая высших духовных ценностей, выражающая интересы правящих классов и внушающая низшим слоям общества чувство смирения перед выпавшей на их долю незавидной судьбой, а по другую «веселая наука» интеллектуалов-гуманитариев — высокодуховная, антирассудочная, оптимистичная, гуманная, ставящая моральные ценности выше материальных, протестующая против того, чтобы все измерялось деньгами, сострадающая униженным и оскорбленным и стремящаяся к тому, чтобы улучшить жизнь беднейших групп населения. В общем, знакомая картина: говоря современным политическим языком, «реакционеры против прогрессистов».

Однако не выдуманная, а реальная история происхождения выражения «мрачная наука» выглядит совершенно иначе. При обращении к фактам выясняется, что общепринятое толкование — самый настоящий миф: издевательское определение экономической науки было впервые использовано Карлейлем вне всякой связи с доктриной Мальтуса и отнюдь не являлось реакцией на нее¹.

¹ В сочинениях Карлейля имя Мальтуса упоминается лишь дважды [Dixon, 1999]. Более или менее развернутый «мальтузиансктй» пассаж обнаруживается в его очерке «Чартизм»: «Споры о Мальтусе, “Принципе Народонаселения”, “Превентивном Сдерживании” и тому подобном, которые уже долгое время терзают слух публики, поистине достаточно прискорбны. Безотрадное, тоскливое, мрачное чувство, без надежды на этом или том свете, вызывают все эти признания превентивного сдерживания и отрицания превентивного сдерживания. Антимальтузианцы, ссылающиеся на свою Библию, чтобы отрицать очевидные факты, представляют собой неприглядное зрелище. С другой стороны... о чудесные мальтузианские пророки! Неужели, по-вашему, возможно, чтобы сорок миллионов работающих людей одновременно объявили забастовку... и, объединенные во всеобщем профсоюзе, проявили решимость ничего больше не делать, пока ситуация на рынке труда не станет удовлетворительной?» [Carlyle, 1840, p. 109]. Хотя используемый здесь набор эпитетов (dreary, stolid, dismal) частично дублирует тот,

Он клеймил политическую экономию позором вовсе не за ее предостережения относительно возможных последствий роста населения, а за ее призывы к освобождению чернокожего населения британских колоний от рабства. Для Карлейля, как следует из его собственных пояснений, слово «раб» означало «слугу, нанятого пожизненно», и такую форму найма он полагал «самым что ни на есть желанным соглашением» [Carlyle, 1849, p. 536].

Стоит напомнить, что в то время, когда писался его памфлет, институт рабства имел широкое распространение во всем мире, и даже в Британской империи его отмена произошла лишь недавно (примерно за полтора десятилетия до публикации «Речи»). То, что полемика между Карлейлем и экономистами-классиками шла именно по этому вопросу, отчетливо видно из самого названия его работы. В ней он доказывает, что в британских колониях Вест-Индии после отмены рабства воцарился хаос, что бывшие рабы стали чересчур зажиточными, что из-за этого они отказываются от работы на сахарных плантациях и что их следует принуждать к ней силой — «с благотворной помощью кнута, коль скоро

что присутствует в «Речи» (dreary, desolate, abject, distressing, dismal), очевидно, что он отражает отношение Карлейля не столько к содержанию доктрины Мальтуса, сколько к нескончаемым бессмысленным спорам вокруг нее. Карлейль дает понять, что считает такие споры пустопорожной болтовней. Интересно при этом отметить, что его суждения по социально-демографическим проблемам были не так уж далеки от суждений Мальтуса: как и Мальтус, он выступал за отмену или уменьшение помощи бедным, а также за упразднение работных домов [Dixon, 1999]. Стоит добавить, что Мальтус сам признавал, что его взгляды на человеческую жизнь имеют «несколько меланхолический оттенок» [Ibid.]. Однако в позднейших изданиях «Опыта о принципе народонаселения» он смягчил свою исходную позицию, предположив, что использование средств превентивного сдерживания (контроль за рождаемостью) способно затормозить рост населения и что поэтому «наши перспективы касательно будущего... далеки от того, чтобы быть полностью обескураживающими» (цит. по: [Dixon, 1999]). Что же касается традиции связывать выражение «мрачная наука» с доктриной Мальтуса, а не с антирасистскими и антирабовладельческими установками экономистов-классиков, то начало ей, по видимому, положил американский экономист Амос Уолкер [Levy, 2001a]. Такая переадресовка была впервые совершена в его учебнике политической экономики «Наука богатства» (1866), изданном после окончания Гражданской войны в США, когда публичная демонстрация симпатий к идеям расового рабства стала невозможной.

другие средства не помогают» [Carlyle, 1849, p. 534]. В его глазах физическое принуждение чернокожего населения к труду было морально вполне оправдано, поскольку это биологически низшая раса, неспособная разумно распорядиться свободой, если ей ее предоставить. Любопытный факт: при переиздании своего памфлета в виде отдельной брошюры Карлейль дал ему немного иное, намеренно расистское название — «Речь по поводу *ниггерского* вопроса» [Carlyle, 1853]². Скорее всего, таким же оно было и в первоначальной авторской редакции, но издатель «Журнала Фрезера для города и деревни», где «Речь» была опубликована впервые, по-видимому, испугался столь неприкрытого нарушения общественных приличий, изменив его на более нейтральное — «Речь по поводу *негритянского* вопроса».

Но коль скоро выражение «мрачная наука» имеет однозначно расистскую родословную, то тогда распределение ролей оказывается совершенно иным: по одну сторону экономисты-либералы — просвещенные, проникнутые духом гуманизма, отвергающие тиранию, рабство и крепостничество, ставящие свободу выше материального интереса, исповедующие универсалистскую этику, не приемлющие расизм, отстаивающие равенство всех людей перед законом независимо от цвета кожи, считающие своим моральным долгом оказывать поддержку самым обездоленным и готовые ради этого идти на материальные жертвы, а по другую интеллектуалы-гуманитарии — оправдывающие расизм, убежденные в том, что между народами существуют непреодолимые, биологически обусловленные различия, проповедующие примитивную племенную мораль по принципу «свой-чужой», презирающие идеалы равенства и свободы, не признающие верховенство права, восхваляющие рабство и крепостничество, возвеличивающие отношения господства и подчинения как наиболее достойные и благородные, требующие от низших классов безусловной лояльности по отношению к высшим, всегда готовые прибегнуть к насилию, пустив в дело «благодетельный кнут». И кто тут тогда «прогрессисты», а кто «реакционеры»?

Даже удивительно, с какой легкостью в зависимости от решения, казалось бы, мелкого историографического вопроса о происхождении выражения «мрач-

² Эта расширенная версия примерно вдвое больше первоначального варианта, опубликованного в «Журнале Фрезера для города и деревни».

ная наука», «черное» и «белое» в оценке противоборствующих идейных течений середины XIX в. меняются местами!

Карлейль-полемист

Чтобы лучше понять дискурсивную стратегию Карлейля, начнем с простых текстологических наблюдений. Памфлет открывается пародийным предуведомлением от издателя, где тот сообщает, что намерен представить на суд публики речь, произнесенную неким неизвестным оратором на собрании Ассоциации по всеобщему избавлению от страданий, и что запись этой речи была приобретена им у квартирной хозяйки сбежавшего от кредиторов и разыскиваемого полицией д-ра (а в действительности незадачливого репортера) Фелина М' Квирка. Этот сатирический персонаж — карикатура на одного из ведущих британских экономистов того времени Р. Мак-Куллоха [O' Brien, 1970] и шире — карикатура на типичного экономиста вообще. В своих более поздних работах Карлейль еще не раз, когда хотел высмеять экономистов, обращался к этой комической фигуре, переименовав д-ра М' Квирка в д-ра М' Крауди, но сохранив легко прочитываемую ассоциацию с Мак-Куллохом [Dixon, 1999]³. Что касается Ассоциации по всеобщему избавлению от страданий, на заседании которой якобы и была оглашена речь, то ее издевательское название отсылает к Эксетер-Холлу — месту собраний приверженцев неконформистского христианства, баптистов и квакеров, где они устраивали публичные обсуждения, в том числе и различных благотворительных проектов. Фактически памфлет Карлейля написан как пародия на высокопарные речи, звучавшие под сводами Эксетер-Холла: речевые обороты, типичные для выступавших там ораторов, используются им с обратной целью — для глумления над дорогими их сердцу филантропическими идеями, чем и достигается комический эффект.

Карлейль был одним из лучших, а возможно, и лучшим стилистом во всей английской литературе XIX в.⁴ Стилизация под ораторскую речь позволяет ему

³ По-английски *quirky* — пройдошливый, а по-шотландски *cloudy* — воркующий.

⁴ В XIX столетии слава Карлейля гремела по всей Британии. В рассказе А. Конан-Дойля «Этюд в багровых тонах» д-р Ватсон убеждается в полном выпадении

развернуться во всем блеске риторических приемов, на которые он был великий мастер и до которых — великий охотник. На нас обрушивается каскад сарказмов, парадоксов, шокирующих характеристик, причудливых ассоциаций, патетических восклицаний, зловещих пророчеств, неожиданных переходов от высокого к низкому и обратно: «Для экономистов, — писал Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа», — Карлейль является одной из наиболее характерных фигур культурной панорамы той эпохи — стоящий в героической позе, осыпающий насмешками материалистическое убожество своего века, щелкающий бичом, которым помимо всего прочего он хлестал и нашу Мрачную науку. Таким он виделся самому себе и таким его видело и любило видеть его время» [Schumpeter, 1954, p. 409–410]. Даже сегодняшним читателям трудно не поддаться магии карлейлевской прозы — что уж говорить о его современниках! Впрочем, в полемическом азарте ему нередко изменяло не только чувство меры, но и вкус: чего, например, стоит его издевательский пассаж о «ниггерской» матери, назвавшей в надгробной надписи свою умершую дочь «лилией» (то есть — белой).

Карлейль вынужден вести атаку сразу на два фронта: во-первых, против евангелических филантропов из Эксетер-Холла и, во-вторых, против экономистов, то есть адептов «мрачной науки». Сегодняшнему читателю такой союз («брак Эксетер-Холла с мрачной наукой», по выражению Карлейля) должен представляться странным, но современники не видели в нем ничего удивительного. Дело в том, что две эти группы были главной движущей силой общественной кампании за отмену рабства, которая развернулась в Великобритании к концу XVIII — начале XIX вв. и завершилась окончательной ликвидацией этого института в 1833 г. Правда, действовали они исходя из разных установок и представлений.

Евангелические филантропы придерживались традиции буквального прочтения Священного писания: раз в Библии рассказывается о происхождении всего человеческого рода от общих прародителей — Адама и Евы, то, значит,

Шерлока Холмса из круга образованных людей, когда узнает, что Холмс, во-первых, никогда не слышал имени Карлейля и, во-вторых, не знает, что Земля вращается вокруг Солнца.

так все и было на самом деле, а раз так, то получается, что негры — наши братья, то есть такие же люди, как и мы, а значит, владеть ими — грех. На звучавшие в Эксетер-Холле сентиментальные речи на предмет того, кто кому брат, Карлейль отвечал издевательскими насмешками [Carlyle, 1849].

Что касается экономистов, то они, следуя за Адамом Смитом, исходили из представления о фундаментальном единстве человеческой природы поверх любых расовых, национальных и культурных различий. Отсюда следовало, что в справедливо устроенном обществе все люди независимо от их происхождения должны обладать равными свободами и что поэтому превращение одних в собственность других морально неприемлемо. Подобный универсалистский подход также вызывал у Карлейля только ярость, смешанную с отвращением.

Дж. Перски считает аргументы, представленные в «Речи», мало научными и связывает это с тем, что анализу Карлейль предпочитал интуицию, а также «избегал силлогизмов дедуктивной логики» [Persky, 1990]. Парадокс, однако, состоит в том, что в известном смысле наука XIX столетия была на стороне Карлейля. С одной стороны, в филологии библейская критика продемонстрировала, что тексты Священного писания нельзя воспринимать буквально, а значит, рассказ о происхождении всех людей от общих прародителей — не более чем красивая легенда или, в лучшем случае, ничем не подтвержденное предположение. С другой стороны, в антропологии того времени широко обсуждались идеи расовой обусловленности человеческого поведения, предполагавшие среди прочего, что в этом мире у каждой расы есть свое особое предназначение. Если так, то тогда любые попытки изменить к лучшему внешние условия существования тех или иных народов (например, чернокожих или ирландцев) при том, что их «национальный характер» остается прежним, заведомо обречены на провал и могут сделать только хуже. (Карлейль, собственно, так и рассуждал.) В этот период на сцену выходит енгеника — новое учение, быстро ставшее сверхпопулярным и обеспечившее расистским аргументам Карлейля мощную «научную» поддержку [Peart, Levy, 2003].

Когда он писал свою «Речь по поводу негритянского вопроса», прошло уже более четырех десятилетий со времени запрета в Британской империи работорговли (1807) и более полутора десятилетий со времени ликвидации рабовладельческой системы вообще (1833). Вроде бы все споры вокруг негритянского

вопроса должны были остаться в прошлом. Зачем же Карлейль решил вернуться к этой, казалось бы, перевернутой странице истории? П. Гроневеген считает, что к этому его подтолкнули впечатления от недавней поездки по Ирландии, а также только что состоявшееся (1848) освобождение рабов во Франции [Groenewegen, 2001]. И все же главной причиной было, по-видимому, то, что в 1840-е годы экономика «эмансипированной» Ямайки оказалась в глубоком кризисе. Тут сошлось несколько факторов — коллапс мировых цен на сахар после окончания наполеоновских войн; удорожание рабочей силы после того, как чернокожее население острова получило свободу; прекращение действия защитного импортного тарифа на сахар (1846), который был частью сделки между правительством и рабовладельцами при принятии закона об отмене рабства на территории Британской империи. Карлейль воспринял разразившийся кризис (в котором он обвинял склонных к бездельничанью бывших рабов) как свидетельство полного провала проекта эмансипации, посчитав, что это дает неплохие шансы на то, чтобы попытаться взять реванш за проигранную ранее партию — пусть хотя бы частично. Отсюда — идея повторного закабаления чернокожих, которая является лейтмотивом его рассуждений. Возможно также, что своим выступлением Карлейль надеялся воздействовать на ход дискуссии по «негритянскому вопросу» в США. И действительно: в годы, предшествовавшие Гражданской войне, его «Речь» неоднократно переиздавали и часто на нее ссылались противники аболиционизма.

Антропологический клинч

Утверждение Гроневегена [Groenewegen, 2001] о том, что Карлейль имел слабое представление о современной ему экономической теории, достаточно спорно. Не зря же, в конце концов, он был шотландцем и вдобавок ректором Эдинбургского университета⁵! Достаточно сказать, что одним из самых первых его литературных опытов, увидевшим свет, был перевод на английский язык очерка «Политическая экономия» С. де Сисмонди для Британской энциклопедии [Dixon, 2007]. В его письмах есть упоминания о чтении им «Богатства народов»; кроме того, он внимательно проштудировал «Принципы политической эконо-

⁵ Стоит пояснить, что в британских университетах того времени ректорство было почетным званием, а не административной должностью.

мии» Дж.С. Милля, оставив пометки на полях 153 страниц этой книги! В одном из своих памфлетов он обращается к экономистам с таким признанием: «В наказание за мои грехи я перечитал множество ваших неподражаемых томов — на деле, думается мне, несколько телег, доверху ими наполненных» [Carlyle, 1850, р. 57]. Еще важнее, что полемику с «мрачной наукой» Карлейль ведет с явным знанием дела — как бы выворачивая ее аргументы наизнанку.

Антропологический фундамент классической политической экономии составляли два общих положения, сформулированных в «Богатстве народов» А. Смита: 1) склонность к обмену — отличительный признак, свойственный только человеку и выделяющий его из всего остального животного мира; 2) эта склонность универсальна и присуща всем людям, как бы сильно ни отличались они друг от друга по внешним характеристикам. Таким образом, в смитианской традиции человек — это животное, наделенное способностью к обмену. При этом Смит вполне допускал, что эта способность является не базовой характеристикой человеческого рода, а всего лишь следствием дара речи (поскольку как иначе — без использования языка — можно было бы договариваться об условиях сделки?). Вот ключевой пассаж, где участие в обмене квалифицируется как уникальное свойство человека, отличающее его от всех других живых существ: «Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, по-видимому, данный вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен. Никому никогда не приходилось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой. Никому никогда не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: это — мое, то — твое, я отдам тебе одно в обмен на другое. Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своем естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних... Он скорее достигнет своей цели, если... сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения» [Смит, 2007, кн. 1, гл. 2].

Столь же фундаментальное значение имел и другой тезис Смита — о том, что человеческая природа едина и что наблюдаемые между людьми поведенческие различия объясняются по большей части историей, институтами и случайностью, а не природными данными: «Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и самое различие способностей, которыми отличаются люди в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами, между философом и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, обычаем и образованием. Во время своего появления на свет и в течение первых шести или восьми лет своей жизни они были очень похожи друг на друга, и ни их родители, ни играющие с ними сверстники не могли заметить сколько-нибудь заметного различия между ними. В этом возрасте или немного позже их начинают приучать к различным занятиям. И тогда становится заметным различие способностей, которое делается постепенно все больше, пока, наконец, тщеславие философа отказывается признавать хоть тень сходства между ними» [Ibid.]. Развивая эту мысль, в своих «Лекциях по юриспруденции», Смит специально оговаривает, что межстрановые различия в уровнях производительности («добросовестности и пунктуальности», как он выражался) «никоим образом не должны приписываться особенностям национального характера, как решаются утверждать некоторые» [Smith, 1978, p. 538].

Против смитовской аргументации Карлейль предпринимает настоящую диверсионную вылазку, пытаясь взорвать ее изнутри. Он готов считать участие в обмене тестом на принадлежность к человеческому роду. Но тогда нам придется признать, что если представители той или иной расы (будь то «квоши» на Ямайке или ирландцы в Европе⁶) участвовать в нем отказываются, то, значит, они не вполне люди. В самом деле, раз у них отсутствует склонность к обмену, то они оказываются ближе скорее к собакам (вспомним рассуждения Смита) или

⁶ «Квоши» (Quashee) — принятое во времена Карлейля презрительное обозначение чернокожих жителей Британской Вест-Индии, которое они получили после отмены рабства (от английского “to quash” — аннулировать).

лошадям, у которых ее тоже нет⁷. В качестве подтверждения Карлейль ссылается на поведение чернокожего населения Ямайки, которое отказывается трудиться на плантациях сахарного тростника в обмен на заработную плату, предпочитая ее получению ничегонеделанье: «Там, где благодаря солнцу и почве чернокожий человек, работая полчаса в день... может обеспечить себя достаточным количеством тыквы, он, скорее всего, окажется слишком несговорчив и не станет впрягаться в тяжелую работу. Спросу и предложению, которые, как утверждает наука, должны воздействовать на него, не так-то просто справиться с подобной задачей» [Carlyle, 1849, p. 530]. Точно так же — «нерыночно» — ведут себя и ирландские «свободные» граждане, «которые не продаются, не покупаются, не выставляются на рынок, — они умирают в канаве» [Ibid., p. 537]⁸. (Разница, по Карлейлю, только в том, что «квоши» ничем не занимаются и живут в довольстве, а ирландцы ничем не занимаются и живут в нищете.)

Отказ от вступления в контрактные отношения — в полном соответствии с логикой Смита — свидетельствует о недочеловеческом статусе этих рас. Чтобы показать это, Карлейль задействует не только рациональные аргументы, но и зрительные образы, наделяя «квошей» звероподобными чертами: они выглядят как «огромные темные уроды» и «жуткие страшилища»; у них «лошадиные челюсти» и выдающиеся «резцы и коренные зубы»; жизнь, которой они живут, «достаточна для свиней»; по большому счету это всего лишь «двуногий скот» [Carlyle, 1849, p. 534]⁹. В расширенной версии «Речи» он идет еще дальше и упо-

⁷ Эта скрытая полемика Карлейля со Смитом подробно обсуждается в работах Д. Леви [Levy, 2001a; Levy, 2001b].

⁸ В свете антисмитовских идей Карлейля показательно выглядят его нападки не только на обмен, но и на язык: так, он выражал пожелание, чтобы хотя бы у одного поколения людей отрезали языки, запретили литературу и оно прожило жизнь в полном безмолвии [Carlyle, 1850, Ch. 5].

⁹ По определению Карлейля, чернокожие — это всего лишь двуногие животные без перьев: «С некоторых пор здесь в Англии стали принимать за достоверное, что свободны все двуногие животные без перьев. «Вот, — кричат, — несчастный негр, который лень предпочитает труду, разве он не должен быть свободен, чтобы иметь право выбора между тем и другим? Разве он не человек и не брат наш?» Несомненно, у него две ноги и он лишен перьев» [Carlyle, 1850, p. 317]. Определение человека как двуногого

добляет их живым мертвецам: «Ненавижу ли я негров? Нет, но только если в них окончательно не убита душа» [Carlyle, 1853, p. 302].

В другом памфлете «Настоящее время» (1850), написанном почти одновременно с «Речью», Карлейль пытается, используя развернутую звериную метафору, довести логику своих оппонентов до абсурда. На этот раз собратьями «квошей» и ирландцев оказываются лошади. Карлейль показывает, что агитация за права негров и ирландцев с таким же успехом может быть распространена и на их четвероногих двойников: «Черные в Вест-Индии освобождены и, по видимому, уже отказываются работать. Белые в Ирландии уже давно достигли полной эмансипации и никто от них работы не ждет... Среди людей склонных к размышлению иногда возникал вопрос: в прогрессе эмансипации должны ли мы уповать на времена, когда все кони также будут эмансипированы и окажутся подчинены принципу спроса и предложения? Кони тоже ведь имеют для этого свои «основания»: они действуют под влиянием голода, страха, надежды, любви к овсу, ужаса перед ременным кнутом; более того, у них тоже есть тщеславие, амбиции, зависть, благодарность, мстительность, есть какие-то грубые задатки наших человеческих чувств — они является некоторым нашим грубым подобием по уму и сердцу, равно как и по телесному сложению. ... Я уверен, что если бы мог сделать коня счастливым, то ради такой цели наверняка пожелал бы даровать ему право голоса (вдобавок к двадцати миллионам уже имеющих). ... Ведь вы тоже подчас его тираните, причем во вред самим себе, пуская в ход тираническим образом и без особой надобности плеть, давая ему мало овса или не давая его ему вовсе, а также не проветривая как следует конюшню. Боюсь, грубые объездчики временами обращаются с ним как настоящие маленькие тираны. — “Но разве я не конь и не *полу*-брат твой?”» [Carlyle, 1850, p. 33]¹⁰.

Как и следовало ожидать, обретя свободу, эмансипированные кони начинают отказываться добровольно вступать в сделки по обмену своего досуга

животного без перьев восходит к Платону. Чтобы опровергнуть его, Диоген, по преданию, решил предъявить всем общипанного петуха.

¹⁰ Последняя фраза пародирует агитацию, которую широко использовали борцы за права рабов в Великобритании. Речь идет об изображении негра в цепях, обращающегося к читателю со словами: «Разве я не человек и не брат твой?».

на овес: «Пока трава имеется в изобилии, они, смею сказать, будут счастливы или, по крайней мере, будут думать, что счастливы. А фермер по имени Мужик, приступающий в сухое весеннее утро к пахоте с ситом овса в руке и трепетом ожидания в сердце, — будет ли счастлив он? — «Помоги мне сегодня пахать, Старина Вороной, если сможешь, полная мера овса будет твоя.» — «Ф-р-р-р, нет благодарю», — фыркает в ответ Старина Вороной; он предпочитает прославленную свободу и траву. — «Гнедой Скакун, может быть, ты?» — «Ф-р-р-р.» — «А ты, моя прекрасная толстозадая Сивая Кобыла?» — О небеса, она тоже отвечает

«Ф-р-р-р!» Ни одно четвероногое не желает вспахать для меня ни одной борозды! Выращиванию хлеба в этом мире *наступил конец!*» [Ibid., p. 34].

Последствия предоставления рыночной свободы — что четвероногим, что двуногим скотам — оказываются одинаково катастрофическими, причем прежде всего — для них самих: «И вот не ради блага Мужика, а ради блага его коней начинаются мольбы о немедленном прекращении прежнего благотворного порядка и о введении нового лучшего. Но не слишком-то большим милосердием по отношению к коням Мужика станет их эмансипация! Рано или поздно всех эмансипированных коней неизбежно ждет одна и та же судьба: не иметь в этой обитаемой части Земли никакой травы для пропитания (на Черной Ямайке она постепенно исчезает, в Белой Коннемаре (один из регионов Ирландии. — *Р. К.*) ее уже нет), бесцельно бродить, опустошая посевы, и быть гонимыми домой к Хаосу сторожевыми и адскими псами при невиданных доселе ужасах нищеты» [Ibid.].

С легкой руки Карлейля отсутствие видимой реакции на экономические стимулы у представителей других исторических эпох, других обществ, других культур стало интерпретироваться как очевидное свидетельство неспособности экономической науки объяснить их поведение, иначе говоря — как свидетельство ее неуниверсальности, исторической и географической ограниченности. В самом деле, раз нет реакции на стимулы, значит, мы имеем дело не с *homo oeconomicus* или даже не с *homo sapiens* — как, похоже, думал Карлейль. Подобный ход рассуждений, который можно обозначить как «силлогизм Карлейля», достаточно быстро стал клише и с теми или иными модификациями начал без конца воспроизводиться в работах историков, социологов, антропологов,

философов последующих поколений. (Разница в том, что для самого Карлейля такие не осознающие выгод от обмена субрациональные существа были полуплюдьми/полуживотными, тогда как позднейшие авторы были склонны их романтизировать, приписывая им, напротив, самые благородные и возвышенные — антимеркантильные — мотивы.)

Но в таком случае автоматически отпадает и второй ключевой тезис Смита — о единстве человеческой природы. В самом деле, если расы столь явно делятся на высшие и низшие, то о каком равенстве природных способностей может идти речь? Для Карлейля было очевидно, что белые от рождения намного мудрее чернокожих — и «кто же из смертных усомнится в этом»? [Carlyle, 1849, p. 536]¹¹. По его оценке, «по уровню интеллекта, способностям, обучаемости, энергии и наличным достоинствам» один белый стоит нескольких сотен «квошей» [Ibid., p. 528]. Поэтому рабство — это не социальное, а природное явление: «Мне очень неприятно напоминать вам, но это вечный факт: кого небо сделало рабом, того никакое парламентское голосование и никакая сила на земле не в состоянии сделать свободным. ... Вы можете назвать его свободным... Вы можете дать ему тыквы, жильё за десять или за тысячу фунтов. Но чем больше вы станете освещать его рабский образ, тем в большей и отвратительной пропорции будут проступать в нем рабыи черты. ... Высшие силы, создавая его, задумали его рабом и предназначили ему в удел не власть, а повиновение» [Carlyle, 1850, p. 317].

Низшие расы на Ямайке и в Ирландии потому и не желают работать и остаются вне рынка труда, что не обладают достаточным интеллектом, чтобы осознать преимущества обмена¹². И поскольку они не в состоянии уразуметь

¹¹ На «Речь» Карлейля Дж.С. Милль дал развернутый критический ответ в статье, опубликованной в 1850 г. в том же «Журнале Фрезера для города и деревни» [Mill, 1850]. Возражая Карлейлю, он среди прочего напоминал, что первые высокоразвитые цивилизации, известные истории, создали жители Африки.

¹² Естественно, экономисты объясняли такое поведение иначе, не усматривая в нем каких-либо расхождений с общими принципами политической экономии. Если чернокожие жители Ямайки отказываются наниматься на работу, значит, предлагаемая им заработная плата недостаточно высока. По мнению Милля, следует не осуждать, а при-ветствовать сложившуюся на Ямайке ситуацию, когда труд бывших рабов, долгие годы

своих собственных истинных интересов, им нельзя давать свободу, к чему призывают профессора «мрачной науки»: если предоставить низшие расы самим себе, то им же от этого будет только хуже, как показывает притча с эмансипированными лошадьми. Другими словами, отношения между людьми, которые принадлежат разным расам, не поддаются регулированию с помощью законов рынка. Рынок труда — по крайней мере, в колониях — должен регулироваться не спросом и предложением, а физическим принуждением. Причем не обязательно только в них: так, в качестве средства борьбы с безработицей и бедностью в самой Великобритании Карлейль предлагал формировать из безработных и пауперов «промышленные полки» (Industrial Regiments) [Carlyle, 1850]¹³.

Анти-рынок

Вполне естественно, что иная антропология предполагает и иные формы эффективной организации общества. Идеальное институциональное устройство в понимании Карлейля можно обозначить как анти-рынок. Нет, он не отрицает, что для каких-то стран в какие-то ограниченные промежутки времени свободный рынок может быть наилучшим выбором. Так, принцип *lesser-faire* был вполне

прозябавших в нищете, приобрел такую высокую цену, что она позволяет им жить в относительном комфорте. Что касается массовой безработицы в Ирландии, то она, как объяснял Милль, есть следствие архаичных институтов, регулирующих земельные отношения. (На это Карлейль не преминул саркастически заметить: пусть так; но какая «раса» *создала* подобную форму организации (arrangement) землевладения? Впрочем, в ответ на его замечание Милль мог бы не менее резонно возразить, что эти институты были насаждены как раз-таки не низшей («кельтской»), а высшей («саксонской») расой.) Наконец, Милль обращал внимание на странную асимметрию в рассуждениях Карлейля: он рисует картину повального безделья среди «квошей» исходя из информации о забастовке с требованиями повысить заработную плату в Демараре (одной из Британских колоний в Вест-Индии), но при этом почему-то забывает о точно таких же забастовках, организуемых белыми рабочими, сообщения о которых приходят из Манчестера и других английских городов чуть ли не ежедневно [Mill, 1850].

¹³ Практически одновременно с Карлейлем идея трудовых армий была высказана в «Манифесте коммунистической партии» К. Марксом и Ф. Энгельсом [Маркс, Энгельс, 1955]. В XX в. она была реализована на практике Л. Троцким.

уместен в Великобритании конца XVIII в., когда Смит писал «Богатство народов». И вообще: если правитель не обладает мудростью, то самое лучшее, что он может сделать, это предоставить своих подданных самим себе, не пытаясь вмешиваться в их дела. Но даже в Англии середины XIX в. время принципа *laissez-faire* уже безвозвратно ушло, не говоря уже о Вест-Индии или Ирландии, где он никогда не мог принести ничего кроме социальных бедствий.

Иерархия природных способностей неизбежно требует иерархического устройства общества, так чтобы наверху находились наиболее, а внизу — наименее способные: «Если бы наимудрейший человек находился на самой вершине общества, ниже него — следующий за ним по мудрости, и так далее вплоть до ниггера из Демарары (за которым дальше вниз шли бы лошади и прочие)... то тогда это был бы совершенный мир, в котором продуцировался бы абсолютный максимум мудрости» [Carlyle, 1853, p. 305]. Соответственно отношения между людьми с неодинаковыми способностями должны строиться по принципу хозяин — слуга: «Безусловно верно, что человек извечно является “прирожденным рабом” одних людей, прирожденным хозяином некоторых других и равным по рождению некоторым третьим, признает ли он этот факт или нет» [Carlyle, 1843, p. 249]. Иными словами, «те из нас, кто глупее, должны быть слугами у тех, кто наделен умом в наибольшей степени» [Carlyle, 1849, p. 536].

В условиях такого природного неравенства каждый должен заниматься тем делом, которое больше всего соответствует его способностям: «Несомненно, между всеми путями, на которые человек может вступить, имеется, в каждый данный момент для каждого человека, один *лучший путь*, одно дело, заниматься которым, преимущественно перед всеми другими делами, для него было бы... *наиболее мудро*... Его успех в таком случае был бы полным, его счастье достигло бы максимума» [Carlyle, 1843, p. 217]. При этом не имеет значения, выбирает это дело человек сам или его приходится принуждать к нему силой: «Свобода? Истинная свобода человека... состоит в том, чтобы он отыскал правильный путь или его заставили отыскать его и затем по нему идти. Пусть человек узнает сам или его научат, к какой работе он действительно пригоден, и пусть затем посредством разрешения, убеждения или даже принуждения его подтолкнут к тому, чтобы заниматься именно ею. Если вы знаете лучше, чем я, что хорошо и правильно, я умоляю вас, во имя Господа, заставьте меня это делать — хоть

с помощью медных ошейников, плетей и кандалов, но не позволяйте мне упасть в пропасть!» [Carlyle, 1843, p. 212]. Ближе всего к этому идеалу, по мысли Карлейля, было средневековое общество, где отношения между людьми строились на основе взаимных обязательств: подчинения и лояльности — со стороны низших классов по отношению к высшим, руководства и милосердия — со стороны высших классов по отношению к низшим [Carlyle, 1840].

Основной принцип провозглашенного Карлейлем «Евангелия Труда» звучал так — «Познай свое дело и исполни его!» [Carlyle, 1900]: «Я непрерывно молю Небеса о том, чтобы все люди, самые белые и самые черные, самые бедные и самые богатые... приобрели божественное право быть принуждаемыми... к работе, для которой они предназначены» [Carlyle, 1849, p. 532]. Исходя из этого преступлением, которому нет и не может быть прощения, оказывается праздность — отказ от дела, определенного каждому при рождении. И именно в этом, самом страшном на свете преступлении, оказываются виновны чернокожие жители Ямайки¹⁴.

Но как такое могло случиться? Как легко догадаться, ответственность за это несут филантропы из Эксетер-Холла и адепты «мрачной науки», усилиями которых в Британской империи была упразднена система рабовладения. Чернокожие стали свободными и им были дарованы равные с белыми права, что разрушило узы прежних взаимных обязательств, связывавшие низших с высшими, рабов с рабовладельцами. Но предоставленные самим себе, «квоши», как и следовало ожидать от низшей расы, стали довольствоваться тем, что можно даром получить от природы, и свели предложение труда фактически к нулю. Если оставить все как есть, то впереди Британскую империю, предсказывает Карлейль, ждут «невиданный хаос», «черная анархия», «социальная смерть», превращение колоний Вест-Индии в «черную Ирландию» [Carlyle, 1849].

¹⁴ Чтобы заставить не работающих трудиться, Карлейль был готов применять самые сильнодействующие средства: «Каждому из вас я скажу тогда: вот работа для вас — отдайтесь ей, как подобает мужчинам, как подобает солдатам, с послушанием и усердием... Если вы будете отказываться отдавать ей себя, уклоняться от тяжелого труда, не подчиняться правилам, я стану предостерегать и попытаюсь вразумить вас; если это окажется тщетно, я подвергну вас порке; и, наконец, если и это окажется тщетно, я пристрелю вас и освобожу от вас Божий мир» [Carlyle, 1850, p. 59].

Что же делать? Общий смысл карлейлевских предложений сводился к тому, что «квошей» необходимо так или иначе вернуть на сахарные плантации, заставить их заняться тем делом, которое им предназначено свыше: «... ни один чернокожий человек, который не работает в соответствии со способностями к труду, данными ему богами, не имеет ни малейшего права на то, чтобы есть тыквы»; он должен быть «принуждаем настоящими собственниками этой земли трудиться так, чтобы обеспечивать свое существование» [Ibid., p. 531].

С одной стороны, в своей «Речи» Карлейль подчеркивал, что считает работорговлю отвратительным явлением и что он не хотел бы для Ямайки возвращения к прежней рабовладельческой системе. С другой, предупреждал, что при определенных обстоятельствах такой возврат неминуем и что это было бы явно предпочтительнее нынешнего хаоса: «Если квоши не станет помогать выращивать пряности, он добьется того, что его снова сделают рабом (и это его состояние будет несколько менее отвратительным, чем нынешнее), и с благотворной помощью кнута, коль скоро другие средства не помогают, его заставят работать» [Ibid., p. 534]. В качестве более приемлемого и более реалистического варианта он выступал за введение системы пожизненного найма (вместо поденного), фактически — за перевод чернокожего населения Ямайки на положение крепостных: «... если черный джентльмен рожден слугой и по сути полезен Божьему творению только как слуга, то позвольте тогда нанимать его не на месяц, но на гораздо более длительный срок. ... В качестве слуг, нанимаемых пожизненно или на длительный срок, по контракту, который нелегко расторгнуть, — только так и никак иначе хотели бы нанимать и наниматься все разумные смертные, и черные и белые» [Carlyle, 1853, p. 311–312]¹⁵. Первым шагом

¹⁵ В «Капитале» Маркс так комментировал позднейшие высказывания Карлейля на этот счет (уже применительно к объяснению причин Гражданской войны в США): «Наконец, раздался голос оракула, г-на Томаса Карлейля... В короткой притче он сводит единственное великое событие современной истории, Гражданскую войну в Америке, к тому обстоятельству, что Петр с Севера изо всех сил стремится проломить череп Павлу с Юга, так как Петр с Севера нанимает своего рабочего “поденно”, а Павел с Юга “пожизненно”... Так, лопнул, наконец мыльный пузырь симпатии тори к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Суть этих симпатий называется рабством!» [Маркс, 1960, с. 266].

в этом направлении, по его мнению, могло бы стать принятие закона наподобие того, что действовал по отношению к «старым европейским сервам, которых королевская власть обязывала отрабатывать определенное число дней в году» [Carlyle, 1849, p. 537]. Наконец, в том случае, если бы ничего из этого предпринято не было, он был готов поддержать самое радикальное решение вопроса, связанное с физическим очищением острова от бывших рабов: «Боги наделены долготерпением, но изначальный закон гласит: тот, кто не работает, должен исчезнуть со света» [Ibid., p. 534]¹⁶.

Но как быть с принадлежащими к белой расе пауперами и безработными в самой Великобритании? Как уже упоминалось, совет Карлейля сводился к тому, чтобы государство начало объединять их в трудовые армии — «промышленные полки Новой эры» [Carlyle, 1850, p. 211]. Громкое название ясно показывает, что для него самого это предложение было лишь первым шагом на пути к тотальному переустройству общества на новых принципах — принципах «организации труда»: «Организация труда, — отмечал он, — составляет теперь самую жизненно важную задачу на всем земном шаре» [Ibid., p. 45–46]¹⁷. Будущее обновленной Британии рисовалось ему таким: «Я предвижу, что вступление бандитов нищеты в полки промышленности будет только началом благословенного процесса, который коснется даже самых вершин нашего общества и который в течение нескольких поколений превратит всех нас снова в управляемую нацию. ... После того, как такие полки освоят пустующие земли, придет черед их создания и в других отраслях, таких как текстильная, обувная, производство сельскохозяйственных орудий, строительство — словом, во всех остальных видах промышленной деятельности. Фабричные рабочие, вся масса вольнонаемных работников, которые останутся еще не охваченными и будут продолжать кочевать между частными хозяевами, увидев такой благодетельный пример, скажут: «Хозяева, нас нужно записать в полки. Пусть наши общие с вами интересы станут

¹⁶ Сходную судьбу он готовил и ирландцам: «Пришло время, когда либо нравы ирландского населения должны быть хоть немного улучшены либо в противном случае оно должно быть истреблено (exterminated)» (цит. по: [Levy, 2001a, p. 14]).

¹⁷ В карлейлевских высказываниях об «организации труда» легко просматриваются следы его увлечения идеями А. Сен-Симона и сенсимонистов.

постоянными, а не временными и преходящими, иначе мы запишемся на службу к государству». Так будет продолжаться, пока, с одной стороны, государство будет действовать подобным образом и пока, с другой стороны, все хозяева рабочих, все частные Капитаны Промышленности, не окажутся принуждены к постоянному сотрудничеству с государством и Капитанами Общества. Они будут формировать полки по-своему, а государство по-своему, в еще большем масштабе, пока они не встретятся и не сольются между собою и не оставят ни одного не зачисленного в полки рабочего» [Carlyle, 1850, p. 212].

Благая весть д-ра М' Крауди¹⁸

Современную ему политическую экономию Карлейль считал полным антиподом своей социальной философии, без устали ее разоблачал и высмеивал. Его сочинения переполнены инвективами и язвительными замечаниями по ее адресу. Для самого Карлейля речь в данном случае шла ни больше ни меньше как о двух противостоящих, органически несовместимых картинах мира — его собственного «Евангелия труда» и «Евангелия Мамоны» (карлейлевский термин) экономистов [Carlyle, 1843]. Список претензий, предъявляемых Карлейлем к «мрачной науке», богат и разнообразен.

Политическая экономия бесполезна и интеллектуально ничтожна: она занимается пустяками, которые, возможно, могли бы представлять ценность, но только не для людей, а «для собак или чертей» (цит. по: [Dixon, 1999, p. 4]). Вследствие этого она не заслуживает даже того, чтобы ее называли наукой: «Политическая философия должна объяснять нам, каков смысл понятия “страна”, объяснять нам, какие причины делают людей счастливыми, нравственными, верующими, а какие приводят к обратному результату. ... Вместо этого она [политическая экономия] повествует нам о том, как фланелевые рубахи обмениваются на свиные окорока» (цит. по: [Coleman, 2002, p. 16]). Но разве не является политическая экономия полезной и разве ее профессора не достойны уважения хотя бы поэтому? На это Карлейль отвечает так: «Моя корова тоже полезна; я держу ее в стойле, кормлю ее жмыхом, отходами и мякиной и действительно

¹⁸ В «Памфлетах последнего дня» Карлейль именует политическую экономию «новейшим Евангелием серафического д-ра М' Крауди» [Carlyle, 1850, p. 21].

уважаю ее. Но должна ли она жить в моем кабинете? Нет, о богини судьбы, она должна жить в стойле» (цит. по: [Groenewegen], 2001).

Политическая экономия бездуховна и сводит высшие человеческие ценности к голому материальному интересу: «В нашу усовершенствованную эпоху... главной целью людей стало наживать и тратить деньги... “Покупать как можно дешевле и продавать как можно дороже” ... в этом и заключается вся сумма социальных обязательств, конечная точка божественных велений» [Carlyle, 1850, p. 22]. Профессора «мрачной науки» исходят из того, что «у человеческих деяний нет никакой иной ценности, кроме той, что можно записать в грессбух» [Ibid., p. 192]. «Убогая наука кассовой книги» — так именует ее Карлейль в «Памфлетах последнего дня» [Ibid., p. 194]. Но считать деньги «истинным символом мудрости» [Carlyle, 1853, p. 305] — это, по его словам, «самая проклятая из всех идей, когда-либо приходивших в голову какому-нибудь двуногому животному из класса не-пернатых» [Carlyle, 1850, p. 357]. При таком подходе человек начинает рассматриваться всего лишь как «денежный мешок и машина для еды» [Ibid., p. 328]. Объявляя главной движущей силой развития общества корыстолюбие, а единственным предназначением человека — получение удовольствий, политическая экономия низводит людей до положения животных: «Этот мир [политической экономии], насколько может судить о нем здравомыслящий человек, представляет собой безразмерное корыто с помоями для свиней, в котором перемешаны твердое и жидкое, похожее и непохожее, а также, что особенно важно, то, до чего можно добраться, и то, до чего добраться нельзя, причем того, что большинству свиней недоступно, там гораздо больше. Моральное зло — это то, до чего в этом корыте дотянуться нельзя, а моральное благо — это то, до чего дотянуться можно. Миссия всемирного свинства, долг всех свиней на все времена состоит именно в том, чтобы уменьшать количество помоев, до которых дотянуться нельзя, и увеличивать количество помоев, до которых дотянуться можно. Все знания и все усилия должны быть направлены на это и только на это; это единственная цель Свинской Науки, Свинского Рвения и Свинского Энтузиазма» [Carlyle, 1850, p. 400–401]. В представлении д-ра М' Крауди, замечает Карлейль, «этот мир — огромный душный хлев с несколькими комфортабельными апартаментами на верхних этажах для тех, кто делает деньги» [Ibid., p. 357].

Политическая экономия аморальна: она демонстративно абстрагируется от вопросов морали, вынося их за скобки анализа. Однако, как подчеркивал Карлейль в одном из писем к Дж. Рёскину, никакая теория, пытающаяся хранить в таких важнейших вопросах нейтралитет, не имеет права называться «политической» [Dixon, 1999, p. 4]. В силу нравственной слепоты экономисты, например, не видят, что рабство является этически более предпочтительной системой, чем рынок. Когда существовало рабовладение, чернокожие жители Ямайки были ограждены попечительной заботой рабовладельцев от таких пороков, как пьянство, азартные игры и проституция, которые пышным цветом цветут среди «белых рабов» в самой Великобритании [Levy, 2001b].

Политическая экономия асоциальна: она исходит из того, что «спрос и предложение являются самодостаточной заменой приказаниям и их исполнению для двуногих животных класса не-пернатых» [Carlyle, 1853, p. 305]. «Мрачная наука» не признает никаких других межличностных отношений кроме денежных, но «денежные платежи никогда не были... той связью, которая бы соединяла человека с человеком в общий союз» [Carlyle, 1843, p. 189]. Настаивая на равенстве тех, кто не равны от природы, она высвобождает низменные животные инстинкты в низших классах и заставляет высшие классы забыть о моральном долге быть руководителями общества: «Многочисленными и разнообразными способами нас пытались убедить, что можно обходиться без управления людьми, и посредством абсолютно искусственных спекуляций о *laisser-faire*, спросе и предложении, и т.д., и т.д. уверить, что так нам будет лучше всего» [Carlyle, 1850, p. 80]. Такой порядок превращает людей в изолированные атомы, порождает огромное имущественное неравенство (нищету посреди изобилия), провоцирует социальные конфликты и в конечном счете грозит полным распадом общества: «Разорвите на мелкие кусочки каждое отношение, которое с таким трудом формировалось, замените принудительное добровольным, сделайте переменчивым все, что было постоянным, — другими словами, расшатайте камень за камнем, втыкая клинья в каждый стык, все здание социального бытия, и когда оно, наконец, в достаточной мере утратит крепость, его опрокинет внезапный

взрыв революционной ярости» [Carlyle, 1850, p. 32]¹⁹. В итоге вместо стабильного, упорядоченного, сцементированного взаимными связями общества мы получаем «абсурд новейшей анархии... выражающийся в законе спроса и предложения» [Ibid., p. 342].

Политическая экономия аисторична: она не замечает, что выработанные ею теоретические представления не универсальны и являются отражением специфических условий, которые существовали только в Великобритании и только на протяжении очень короткого промежутка времени [Carlyle, 1865, p. 2569]. Все дело в том, что профессора «мрачной науки» «не проводят различия между здесь и там, между временами прошлыми и временами нынешними и уделяют этим различиям недостаточно внимания» [Ibid., p. 2570].

Политическая экономия протiwоестественна: навязывая ложный принцип *laissez-faire*, вместе со своими союзниками — филантропией, парламентаризмом, конституционализмом — она пытается извратить природный порядок вещей: «Как рабство человека предопределяется природой и суровой судьбой, а не только актами парламента и господством капитала, точно так же в бесчисленном количестве случаев зло предопределяется именно парламентом и денежным капиталом» [Carlyle, 1850, p. 318].

Политическая экономия лицемерна: экономисты вместе с филантропами проливают крокодиловы слезы из-за бедственного положения чернокожего населения Ямайки, но не замечают того, что творится у них под носом, — не замечают гораздо более бедственного положения «бедных, изнуренных до болезненности английских ткачей и пахарей» [Carlyle, 1850, p. 113]. Даже сейчас, после отмены рабства, «квоши» продолжают питаться гораздо лучше: они «теперь уже достигли эмансипации и живут праздно, не чувствуя никакой потребности в труде и нагуливая себе жир» [Carlyle, 1850, p. 113]. А при прежней системе у них вдобавок были еще гарантированная работа, обеспеченная старость, даровое лечение в случае болезней — все те социальные блага, которых лишены белые рабочие в Великобритании. Помогать нужно не «дальним» — чернокожему

¹⁹ Единственное, что в мире *laissez-faire* связывает низшие и высшие классы, иронизировал Карлейль, — это возможность заразиться друг от друга тифом [Carlyle, 1843].

населению Британских колоний, а «ближним» — рабочему классу в самой Британии. Если возникает дилемма, кому помогать — людям или полуживотным, для человека с неизвращенным нравственным чувством выбор должен быть очевиден. По большому счету «мрачная наука» лишь на словах заботится о слабых и угнетенных, тогда как на деле стоит на страже интересов денежного капитала — «крупных Капиталистов, Директоров железных дорог, раздувшихся Торгащей, Королей Акций» [Carlyle, 1850, p. 39]. Ведь от эмансипации и *laisser-faire* низшим классам, лишенным благодетельного руководства со стороны высших, становится только хуже, причем намного хуже, как это видно на примере английских и особенно ирландских рабочих. Иными словами, уничтожение иерархической системы господства и подчинения идет вразрез с истинными интересами низших классов, что бы ни утверждали на сей счет адепты «мрачной науки».

Политическая экономия политически наивна: она не осознает пагубных последствий, которыми чреватые ее проповеди о том, «что между неграми и белыми не существует связи, что они существуют отдельно друг от друга на основе совершенного равенства и что... они подчиняются единственному закону — закону спроса и предложения» [Carlyle, 1849, p. 536]. Находясь в плену абстрактных схем, «мертвых человеческих формул» [Carlyle, 1850, p. 378], она оказывается неспособна выйти за границы своего вымышленного мира — мира «совиных видений» [Ibid., p. 180] и понять, как своими рецептами она подталкивает общество к хаосу социальной революции. При этом профессора «мрачной науки» напрасно надеются, что социальный мир достигим с помощью денег, — это иллюзия: «Купить за деньги... повиновение огромного, непрерывно растущего и невыразимо глупого класса человеческих созданий невозможно» [Carlyle, 1853, p. 305]²⁰.

²⁰ Карлейль не уставал повторять, что идеализированный образ низших классов, который усвоила себе политическая экономия, имеет мало общего с действительностью: в душе у них не повиновение, а лень, обжорство и мятежи [Carlyle, 1853, p. 308]. По его саркастическому замечанию, ему никогда не доводилось видеть несчастных белошвеек, по которым проливают слезы филантропы, а вот о белошвейках, требующих оплату побольше, со здоровым аппетитом на выпивку и закуску он слышит на каждом углу [Carlyle, 1850, p. 359]. Ясно же, что такого рода публику нельзя оставлять без присмотра, предоставляя ее самой себе! По Карлейлю, проблема бедности решается просто: надо

Как видим, поток инвектив, которые обрушивает Карлейль на политическую экономию и рынок, на редкость внушительны: доктринерство, оторванность от реальной жизни, грубый материализм, сведение всего множества человеческих мотиваций к корыстолюбию, асоциальность, подмена межличностных связей денежными отношениями и, как следствие, атомизация общества, антиисторизм, историческая, географическая и культурная ограниченность, неприменимость выработанных ею принципов к другим нациям помимо англосаксонских, моральный индифферентизм, равнодушие к судьбам низших классов собственной страны, апология нищеты посреди изобилия, обслуживание интересов денежного капитала, провоцирование классовых конфликтов, проповедь социальной анархии в сочетании с оправданием бездействия государства. Немудрено, что при таком послужном списке экономическая наука воспринималась им как «мрачная»! На общественное сознание той эпохи его инвективы по адресу политической экономики произвели, по-видимому, сильнейшее впечатление. Едва ли удивительно поэтому, что со временем они сделались общим местом и начали почти ритуально воспроизводиться в сочинениях философов, антропологов, социологов, историков, литературных критиков. (Парадокс в том, что сегодня к такого рода обвинениям охотнее всего прибегают авторы левой ориентации, не подозревающие о расистском происхождении их риторики и о своей фактической солидарности с Карлейлем.)

Но вот что странно: при всем, казалось бы, антиутилитаризме Карлейля критика, с которой он обрушивается в «Речи» на теорию и практику «мрачной науки», оказывается насквозь пропитана меркантильными соображениями. Ему жалко двадцати миллионов фунтов, которые были уплачены при освобождении рабов в Вест-Индии; проект завоза на Ямайку дополнительной рабочей силы из Азии и Африки представляется ему неэффективным; блокада берегов Африки для перехвата пиратских судов, занимающихся нелегальной перевозкой рабов, оценивается им как слишком дорогостоящая; чтобы обеспечить честную конкуренцию на международном рынке сахара, он призывает правительство направить военные корабли на Кубу и в Бразилию, где сохранялся рабовладельческий труд,

принудить каждого исполнять свои обязанности и тогда не останется ни одного бедняка [Ibid., p. 201–202].

и изменить там социальный порядок силой; даже сама центральная идея его «Памфлета» сводится в конечном счете к тому, что плантации сахарного тростника в британских колониях необходимо снова сделать рентабельными. Причем в своих как бы экономических изысканиях он подчас заходит так далеко, что невольно выставляет сам себя на посмешище — как, например, в пассаже, в котором выращивание черного и серого перца оказывается у него синонимом высших духовных ценностей: «... корица, сахар, кофе, перец, черный и серый, еще пребывали во сне, ожидая белого Чародея, который повелел бы им проснуться» [Carlyle, 1849]. Ирония ситуации была подмечена Миллем [Mill, 1850]: выходит так, что экономистам, погрязшим в низменных материях, нет ничего дороже свободы, а Карлейлю, устремленному к высотам духа, нет ничего дороже потребления специй!

* * *

И в заключение — последнее замечание, касающееся устойчивого антагонизма между экономической наукой, с одной стороны, и прочими социальными и гуманитарными дисциплинами, с другой. Чаще всего этот антагонизм объясняют либо чрезмерной формализацией и математизацией современного экономического анализа, либо «методологической гордыней» экономистов, считающих, что из всех видов знания об обществе только экономическая теория вправе претендовать на то, чтобы считаться *наукой* в строгом смысле слова наравне с естественными дисциплинами. И хотя, несомненно, эти факторы имеют значение, не стоит все же забывать, что «война факультетов» возникла значительно раньше, когда жестких языковых междисциплинарных барьеров еще не существовало. Начало традиции изображать экономическую науку в качестве морального и интеллектуального монстра с точки зрения гуманитарного сознания было положено Карлейлем, причем, что поразительно, в откровенно расистском контексте. Эта традиция жива до сих пор с той только разницей, что сегодня ее поддерживают по преимуществу интеллектуалы-прогрессисты, а не интеллектуалы-реакционеры, каким был Томас Карлейль. В исторической ретроспективе кажется очевидным, что прогрессу научного знания об обществе этот междисциплинарный раскол не пошел на пользу.

Источники

Маркс К. (1960) Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 23.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 4.

Смит А. (2007) Исследование о причинах и природе богатства народов. М.: Эксмо.

Carlyle Th. (1840) Chartism. L.: J. Fraser. [Рус. пер.: Карлейль Т. (2015) Чартизм. М.: Издательские решения.]

Carlyle Th. (1843) Past and Present. London: Chapman and Hall. (http://www.ajdrake.com/etexts/texts/Carlyle/Works/past_1843_little_brown.pdf) [Рус. пер.: Карлейль Т. (2014) Прошлое и настоящее. М.: Книжный Клуб Книговек.]

Carlyle Th. (1849) Occasional Discourse on the Negro Question. Fraser's Magazine for Town and Country. Vol. 40 (February). P. 527–538. (http://www.hetwebsite.net/het/texts/carlyle/Carlyle1849_negroquestion.htm)

Carlyle Th. (1850) Latter-Day Pamphlets. L.: Chapman and Hall. (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=29&ved=0ahUKEwjPntbn8_XWAhUPS5oKHfh1C0I4FBAWCGYwCA&url=https%3A%2F%2Fcommons.wikimedia.org%2Fwiki%2FFile%3ALatter-day_Pamphlets.djvu&usg=AOvVaw3XO29hWdPF5biUzXZ1E882) [Рус. пер.: Карлейль Т. (1907) Памфлеты последнего дня. СПб.: Издание Ф.И. Булгакова.]

Carlyle Th. (1853) Occasional Discourse on the Nigger Question. L.: Thomas Bosworth. (<http://cruel.org/econthought/texts/carlyle/odnqb.htm>)

Carlyle Th. (1865) History of Friederich II of Prussia, called Frederick the Great. Vol. VI. N.Y.: Harper & Brothers Publishers. (<http://www.eighbooks.com/read.php?q=thomas-carlyle-apos-s-works-history-of-friedrich-ii-of-prussia-called-frederick-the-great>)

Carlyle Th. (1900) *Arbeiten und Nicht verzweifeln*. Berlin: Karl Robert Langewiesche Verlag. [Рус. пер.: Карлейль Т. (2014) *Этика жизни / Карлейль Т. Прошлое и настоящее*. М.: Книжный Клуб Книговек.]

Coleman W.O. (2002) *Economics and Its Enemies Two Centuries of Anti-Economics*. N.Y.: Palgrave-Macmillan.

Dixon R. (1999) *The Origin of the Term “Dismal Science” to Describe Economics*. Melbourne: Department of Economics at the University of Melbourne. Research Paper No. 715.

Dixon R. (2007) *Carlyle, Malthus and Sismondi: The Origins of Carlyle’s Dismal View of Political Economy*. *History of Economics Review*. Vol. 44. No. 1. P. 32–38.

Galbraith J. (1987) *A History of Economics*. Harmondsworth: Penguin Books.

Groenewegen P. (2001) *Thomas Carlyle, “The Dismal Science” and the Contemporary Political Economy of Slavery*. *History of Economics Review*. Vol. 34. No. 1. P. 74–94.

Heilbroner R. (1986) *The Worldly Philosophers*. Sixth edition. L.: Penguin Books. [Рус. пер.: Хайлброннер Р.Л. (2011) *Философы мира сего*. М.: Астрель.]

Levy D. (2001a) *How the Dismal Science Got its Name: Debating Racial Quackery*. *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 23. No. 1. P. 5–35.

Levy D. (2001b) *How the Dismal Science Got Its Name. Classical Economics and the Ur-Text of Racial Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Mill J.S. (1850) *The Negro Question // Littell’s Living Age / E.D. Littell (ed.)*. Vol. 24. P. 465–469. Boston (Massachusetts). (<http://www.hetwebsite.net/het/texts/carlyle/mill1850negroquestion.htm>)

O’ Brien D. (1970) *J.R. McCulloch: A Study in Classical Economics*. L: George Allen & Unwin.

Peart S., Levy D.M. (2003) *Denying Human Homogeneity: Eugenics and The Making of Post-Classical Economics*. *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 25. No. 3. P. 261–288.

Persky J. (1990) A Dismal Romantic. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4. No. 4. P. 165–172.

Schumpeter J. (1954) *History of Economic Analysis*. N.Y.: Oxford University Press.

Smith A. (1978) *Lectures on Jurisprudence* / R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein (eds). Oxford: Clarendon University Press.

Kapeliushnikov, R. I.

A case of Carlyle, or Who set economics at loggerheads with other social and humanitarian disciplines : Working paper WP3/2017/05 [Electronic resource] / R. I. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. — Electronic text data (400 Kb). — Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2017. — (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). — 34 p. (In Russian.)

The paper examines an origin and meaning of the phrase “dismal science” which in the mid of 19 century T. Carlyle used to castigate political economy of his days. Author demonstrates that it was Carlyle who marked the beginning to a persistent antagonism between economics and other social and humanitarian disciplines. In retrospect it seems evident that this inter-disciplinary schism had a detrimental effect on further progress of scientific knowledge about society.

Препринт WP3/2017/05
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

**Казус Карлейля, или Кто рассорил
экономическую науку с другими социальными
и гуманитарными дисциплинами**

Изд. № 2058